

Светлов Роман Викторович, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, директор Института философии человека, доктор филос. наук, профессор

СОКРАТ, ТЫ СЛЫШИШЬ СОКРАТА? ПАРАДОКСЫ ИДЕНТИЧНОСТИ В ТЕКСТАХ ПЛАТОНА¹

Аннотация: Тема идентичности — важная для античной культуры, на что указывает знаменитый дельфийский принцип. Мы не станем затрагивать богатый социально-политический, медико-гигиенический, гендерный аспекты этой темы. В фокусе нашего внимания окажутся стратегии идентификации акторов платоновских диалогов, которые имеют и содержательный, и драматически-игровой характер. На наш взгляд, в этих текстах обсуждается тема того, что получит позже название «различающего» и «собственного» признаков. Платон не столько «генерализирует» наш опыт в поисках общих понятий, но и рассматривает эпистемические границы специфицирующих суждений и их элементов. И поиск верного инструментария приводит его к собственно философскому вопросу о возможности схватывания идентичности в логосе. В итоге Платон демонстрирует ряд парадоксальных суждений, которые заставляют нас задуматься над особенностями платоновского философского дискурса.

Ключевые слова: эпистемология Платона, собственный признак, идентичность.

Roman Svetlov, Herzen State Pedagogical University of Russia, St Petersburg, Head of the Philosophy department, DSc in Philosophy, Professor

Socrates, do you hear Socrates? Paradoxes of identity in the texts of Plato

Summary: The famous Delphic maxim demonstrates the importance of the theme of identity for ancient culture. We will not explore the rich socio-political, medical-hygienic, gender aspects of this problem. The main attention will be paid to the identification strategies used for the characters of the dialogues of Plato, which also have a dialectical and dramatic-game character. The topic, which is discussed in these texts, will later be called “differentiating” and “own” features. Plato not only generalizes our experience in the search for concepts, but also considers the epistemic boundaries of specifying judgments and their elements. The search for the right toolkit leads him to the properly philosophical question of the possibility of describing the identity in the logos. As a result, Plato demonstrates a number of paradoxical judgments that make us reflect on the peculiarities of Plato’s philosophical discourse.

Keywords: epistemology of Plato, own features, identity.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований по проекту № 17-03-00616 «Сократические школы как явление античной философии и культуры».

Темы идентичности и индивидуальности в последнее время достаточно серьезно занимают представителей философии сознания и аналитической философии — в частности, в связи с современными трактовками проблем сознания, свободы воли, личности. Более того, тема идентичности имеет также политико-социальные и правовые аспекты, актуальные для современности.

В связи с этим проблема идентичности в античном мире оказывается интересна для нас не только с точки зрения истории формирования европейской субъективности (П. Адо, М. Фуко), но и как некоторый пример историко-культурной ситуации, когда еще не было диктата со стороны представлений о картезианском субъекте. Мы полагаем, что античное наследие может быть интересно для современного человека не просто само-по-себе (т. е. как предмет эстетического, архивного или какого-то подобного интереса), но и как «место», где находится вполне актуальная проблематика.

Если говорить о Платоне, то вопрос об идентичности является одним из моментов знаменитого «элейского» цикла диалогов: «Теэтета», «Софиста», «Политика». В последних двух речь идет об идентичности софиста и политика (а, как полагают некоторые, и философа также). В зачине «Софиста» ставится вопрос об идентичности Чужеземца.

Особенно показателен пассаж в самом начале «Политика»:

Чужеземец. Дадим ему отдохнуть некоторое время, его же доля пусть достанется этому Сократу, спутнику Теэтета по занятиям в гимнасии. Или ты подскажешь что-то иное?

Феодор. Да будет в точности так, как ты сказал. Когда молодым дают передохнуть, они легче переносят тяготы.

Сократ. Кажется, чужеземец, что они связаны со мной родственными узами. В самом деле, об одном вы говорите, что его лицо проявляет природное сходство с моим, что же до другого (258a), то он мой тезка, а одинаковое имя придает некую близость. Но ведь родичей мы в любом случае склонны узнавать во время беседы. Что до Теэтета, то вчера я сам пообщался с ним, сегодня же слушал его ответы. А вот Сократа не удалось узнать ни тем ни другим способом: нужно исследовать и этого юношу. Однако пусть он отвечает тебе, со мной же побеседует в свое время.

Чужеземец. Так и будет. Сократ, ты слышишь Сократа?

Сократ-мл. Да. (257с–258a)

Беседа Сократа с Сократом (возможно, в планировавшемся Платоном «Философе») — то несостоявшееся литературное событие, которое оставляет место для самых разнообразных фантазий. От «открытия самосознания» в Античности до демонстрации процедур «чистого мышления мышления».

Но мы будем говорить об ином аспекте данной темы — постановке Платоном вопроса о признаке, который позволяет нам идентифицировать предмет (личность, событие, самих себя). В связи с этим обратим внимание на завершающую часть «Теэтета», где обсуждается именно эта тема. Отказавшись от двух способов понимания знания как истинного мнения с логосом (передача мнения речью и перехода от частей мнения к целому), Сократ говорит, что остался еще один вариант спасения разбираемой дефиниции знания:

Многие бы сказали, что есть некий знак, при помощи которого мы и отличаем друг от друга все, о чем спрашиваем. (208с)

Характерно слово «многие». Видимо, оно значит, что речь идет не о какой-то особенной философской позиции, но о том, что является общим местом. В каком-то смысле сюжет рассуждений в «Теэтете» «закольцовывается»: напомним, что первые два подхода Теэтета к определению знания также опираются на нечто нерелексивно очевидное для массового сознания: знание как конкретный навык и знание как восприятие/ощущение.

Поиск знаков-«сем» (*греч.* σημα) — это вполне естественное дело уже для любой архаической культуры: по знакам сказочный или эпический герой находит дорогу домой, узнает свое будущее; знак на могиле — память об умершем, природные явления, полеты птиц, состояние внутренностей жертвенных животных — знаки для различных видов мантики. Философский поиск раннегреческих мыслителей также направлен на установление знаков истинной или ложной форм высказывания о сущем. Мы бы добавили к этому и классическую античную поэзию: Гесиод говорит о признаках доброго труда и соревнования. Феогнид в элегиях рассказывает своему адресату Кирну о знаках, которые отличают низкого мужа от благородного.

Таким образом, перед нами действительно «общее место». Правда, проинтерпретированное Сократом следующим образом: знак есть некоторый «собственный» признак предмета, знание о котором и есть знание о самом предмете.

Сразу после фразы о «семе» Теэтет просит его привести пример такого логоса-объяснения. И Сократ говорит, что в отношении, например, Солнца будет достаточно указать, что оно — самое яркое из всего, что обращается вокруг Земли. Этот знак чуть ниже трактуется Сократом как различие (διαφορά), позволяющее отграничить одну вещь от другой. Ведь до той поры, пока мы используем признаки общности, то говорим лишь о том, что обще всем. Теэтет соглашается: «назвать такое различие логосом будет прекрасно» (208d–c).

Как становится понятно ниже, здесь возникает нечто подобное известному разговору между Алисой и Шалтаем-Болтаем из знаменитой книги Л. Кэрролла об их именах. Имя Алисы «ужасно», поскольку Шалтай-Болтай понимает его расширительно. Алисой можно назвать все что угодно — девочку, кошку, рок-группу. Свое имя Шалтай-Болтай понимает строго исключительно: он один и уникален. Настолько уникален, что к нему на помощь готовы прийти вся королевская конница и вся королевская рать.

Знак-различие в случае рассуждений в «Теэтете» должен быть чем-то исключительным. То есть означать лишь тот предмет, который он и означивает. И сопровождать правильное мнение о нем (Theaet. 208e).

Но даже первый момент этой эпистемического суммирования — однозначный знак-различие + правильное мнение — оказывается проблемой. Человеческий язык пользуется по большей части словами, которые обладают обширным и неоднозначным полем значений. Даже личные имена и географические названия можно использовать в несобственном смысле («Этакий Фалес» из Аристофана), а точное их соотнесение с реальными денотатами — всегда тема контекста и уточнения. Одна из важнейших проблем проекта «протокольных предложений» заключалась именно в этом. Мы лишь тогда верно понимаем некоторый признак, когда знаем тот предмет, который он потенциально выделяет. Если некоторый знак указывает лишь на самое себя, он не может быть понят и соотнесен с чем-то иным. Практически та же ситуация имела место в Первой гипотезе «Парменида»: существующее-в-себе, абсолютно исключительное и само-в-себе пребывающее единое не может быть соотнесено ни с чем, названо и познано каким-то образом. Следовательно, нужен контекст. Чтобы идентифицировать индивидуальный предмет, его уже нужно видеть в контексте целого.

Казалось бы, вполне понятный подход, который демонстрирует Сократ в рассуждении о знаке: имея правильное мнение о ком-то,

я смогу его идентифицировать, лишь когда смогу продемонстрировать различающий признак, терпит неуспех по той причине, что последний уже должен быть включен в правильное мнение. Иначе, зная Теэтета как курносого человека с глазами навывкате, я не смогу отличить его от других похожих людей (таким же был и Сократ). Очевидно, речь должна идти о какой-то специфической, особенной курносости, знанием о которой мы уже должны обладать вместе с правильным мнением (209с, 210а). Получился замкнутый круг: знанием мы называем знание признака, присоединяемого к правильному мнению.

Как ни крути рассуждения вокруг скиталы — восклицает Сократ — ничего не получается (209d). Действительно, некоторые надписи (части определения) мы видим. Но как ни накручивай их на жезл-скиталу, путного, т. е. целого, не складывается. Остается предположить, что Платон намекает: не тот жезл-скиталу мы выбрали. Если его целью было раскритиковать попытки определения знания, которые давались античными «прото-эмпириками», настаивавшими на движущемся характере сущего, то это у него, безусловно, получилось.

Впрочем, вопрос стоит не только об определении знания, но и о природе приращения знаний. Если добавление некоторого признака к мнению тождественно рождению знания, тогда, вероятно, была совершенно верна киническая трактовка этой темы. Как известно, Антисфен полагал, что прибавление знаний осуществляется благодаря сравнению: нечто новое постигается при помощи некоторого признака (серебро похоже на олово). Иными словами, если нечто имеет сходство с оловом, но оловом не является, значит, это — серебро. Мы имеем правильное мнение об олове. И, прибавляя этот признак, понимаем, что такое серебро.

С одной стороны, зачастую именно так и происходит передача знания. Но, с другой — мы видим, что подобная «схема» чревата сложностями, известными, например, под названием «проблема Геттиера». В 1963 году Эдмунд Геттиер написал небольшую заметку под названием «Is Justified True Belief Knowledge?», где привел два аргумента против толкования знания как истинного обоснованного мнения, принятого в эмпирико-аналитической методологии. Напомним один из сюжетов: некие Джон и Смит были в курсе, что в этот день будет назначен новый начальник отдела. Смит знал, что у его оппонента в кармане пиджака десять монет. Он также слышал, что руководитель фирмы отдаст пальму первенства именно Джону.

Отсюда он делает вывод, что обладателем искомой должности станет тот человек, в кармане пиджака которого имеется десять монет. Следовательно, Смит обладал и истинным мнением, и основаниями к нему, и даже мог указать отличительный признак. Однако знанием это не было. По каким-то причинам начальство водило за нос претендентов. Оно выбрало именно Смита, у которого в кармане также имелось десять монет: он про них не помнил или просто давно не пересчитывал мелочь.

Несмотря на все имеющиеся у Смита основания доверять сложившемуся в его сознании мнению, отличительный признак (десять монет) указывает не на Джона, а на него самого.

Возвращаясь к антисфеновскому пониманию прибавления знания, отметим: мы можем «иметь все карты на руках», но так и не идентифицировать серебро. Есть целый ряд других объектов, которые могут походить на олово, но не являться серебром. Для определения последнего необходим знаток, тот, кто обладает истинным и однозначным ответом на вопрос «что это?». Тот, кто знает количество монет во всех карманах.

Все схемы, предлагаемые сторонниками понимания знания как истинного мнения с логосом, не показывают нам механизма возникновения знания. Приходится признать, что оно — знание — уже априорно присутствует и в случае, когда мы даем некоторое определение своему мнению, и тогда, когда указываем на различающий признак. Ведь ни курносость не делает Теэтета Теэтетом (курносых людей много), ни «оловоподобность» серебро серебром. Иными словами, чтобы узнать Теэтета, мы уже должны знать его, нам уже должна быть известна особая «теэтетовость», отличающая его от остальных курносых людей.

В диалоге «Парменид» имеется одно важное рассуждение, как представляется, соотносимое с поставленной в рассмотренном фрагменте «Теэтета» проблемой. Это место из Седьмой гипотезы, где Платон анализирует выводы, проистекающие для иного из несуществования единого. В этом случае иное оказывается другим по отношению к самому себе и теряется возможность установить хотя бы какое-то сходство или различие. Если единого нет, а есть лишь иное, то оно одновременно кажется и имеющим предел, и беспредельным, и одним и многим (Parmenides 165c).

Аристотель (персонаж диалога «Парменид») просит элейского философа пояснить, что тот имеет в виду. И Парменид говорит: «Это как те вещи, что передаются тенеписью (скиаграфией): когда смо-

тришь издалека, они кажутся едиными и подобными... Когда же подходишь ближе, все они видятся многими и различными и, благодаря фантому, иного кажутся другими и неподобными самим себе» (165с–d). Здесь нет времени пускаться в давнюю дискуссию о природе древнегреческой скиаграфии: искусство ли это светотени или же пример античного пуантилизма. Однако представляется, что Платон имеет в виду именно элементы рисунка, позволяющие создавать иллюзию целостности и единства изображенного. На близком расстоянии эта иллюзия исчезает и единый образ пропадает. Буквально то же самое Платон пишет и в «Теэтете», как раз в интересующем нас месте:

Теэтет, сейчас, когда я совсем приблизился к тому, о чем мы говорили, словно к нарисованному светотенью (скиаграфией), я не могу постигнуть даже самую малость. Когда же смотрел издалека, мне казалось, что в этом что-то есть. (Theaet. 208e)

Признак оказывается элементом скиаграфического рисунка. Лишь при взгляде издалека представляется, что он сторона некоторого единства (курносость Теэтета). Но когда мы рассматриваем этот признак как некий идентифицирующий источник знания, то на самом деле теряем искомое. Поэтому курносость вне «теэтетовости» становится столь же иллюзорной, что и те различия и инаковости, о которых идет речь в VII гипотезе «Парменида». Без существования единства они бессмысленны.

Итак, мы можем заключить, что идентичность не передается совокупностью описаний или «протокольных предложений». Тем не менее у нас есть некоторые способы «схватывания» ее, которые не были выявлены в «Теэтете», — это для Сократа ясно. Но, как и тему знания, Сократ в конце диалога «Теэтет» откладывает «на завтра». Рассматриваемые на следующий день в «Софисте» и «Политике» варианты «метода логосов» — т. е. диереза, диалектика и работа с образцами/парадигмами — становятся для Платона искомыми инструментами, позволяющими изобразить даже такие противоречивые фигуры, как софист, политик и философ. Однако эта идентификация не имеет своим результатом дефиницию в аристотелевском духе. Проблемы, которые Платон выявил в «Теэтете», не позволяют ему сводить искомое к последовательности определений, к указанию места на родовидовом древе. (С этой точки зрения — заметим в скобках — «Введение» (Isagoge) Порфирия — текст совсем не платонический, хотя также и не перипатетический).

Вывод, который мы делаем, очевиден и далеко не нов. Тщательно прописывая детали, словно отдельные штрихи скиаграфии, постоянно возвращаясь к тому же, корректируя ход рассуждений, Платон тем не менее приучает нас смотреть на целое диалога. Так, например, «Законы» — это весь текст диалога, показывающий нам природу права в понимании Платона, а не просто рекомендации для обустройства жизни магнесийцев. И в этом случае становятся понятнее многие «печально известные» противоречивые детали данного сочинения — от утверждения, что люди — игрушки богов, до положения о том, что магнесийцы должны проводить свою жизнь в играх. То же самое касается и «Государства», этого совершеннейшего мимесиса, по выражению И. А. Протопоповой. Природа политического излагается Платоном не только в 5-й и 6-й книгах, но даже в мифе о загробном странствии Эра. «Теэтет» также текст, который следует рассматривать в его тотальности. Как и вопрос об идентичности, заявленный в качестве темы нашего выступления. У Платона нет отдельного диалога, посвященного данной теме (да и трудно было бы ожидать появления подобного сочинения в дохристианскую и до-«субъектную» эпоху). Но проблема идентичности естественным для современного читателя образом конструируется в диалогах «элейского» цикла.

Завершая, скажем, что мы рассмотрели только один из моментов этой конструкции, один из фрагментов платоновской «скиаграфии» идентичности.